

Часть III
ОБЗОРЫ
КОЛЛЕКЦИЙ ДОКУМЕНТОВ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
АНТИСЕМИТСКИХ НАСТРОЕНИЙ
В ПЕТРОГРАДЕ В ФЕВРАЛЕ–МАРТЕ 1921 г.

События февраля–марта 1921 г. в Петрограде, когда город был охвачен массовыми стачками рабочих, достаточно хорошо исследован историками. Начало их изучению было положено работами А. С. Пухова и А. З. Ваксера, о них в разное время писали С. Н. Семанов, Ю. А. Щетинов, С. Н. Канев, В. М. Иванов, В. Ю. Черняев. Подробнее всего были освещены забастовки рабочих в преддверии нэпа. Об их массовой психологии, политической ментальности мы знаем значительно меньше. О некоторых лозунгах, выдвинутых рабочими в ходе стачек (отмена «ответственных пайков», свобода труда), в советской литературе 1960–1980-х гг. вообще умалчивалось. Ряд сюжетов этой темы никогда не был предметом изучения — как вследствие цензурных стеснений, так и ввиду недостатка источников, многие из которых стали доступными лишь в последние годы.

Один из таких сюжетов — антисемитские настроения во время антиправительственных волнений в городе в феврале–марте 1921 г. Одним из первых об этих настроениях сообщил в своей книге о Кронштадтском мятеже А. С. Пухов — и буквально одной строкой: «Среди рабочих велась ярая антисемитская пропаганда».⁵⁰⁸ Никаких аргументов он не привел и больше к этому вопросу не возвращался. Вероятнее всего это было лишь пересказом реплики М. Лашевича на заседании Петроградского Совета 26 февраля 1921 г. Она была столь же краткой: «Велась антисемитская пропаганда в отдельных кругах рабочих».⁵⁰⁹ Вскользь об антисемитских настроениях говорилось

⁵⁰⁸ Пухов А. С. Кронштадтский мятеж в 1921 г. Л., 1939. С. 32.

⁵⁰⁹ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 17: 26 февраля 1921 г.: Стенограф. отчет. Стб. 6. Пг., 1921.

в монографии С.Н. Семанова, увидевшей свет в 1973 г.⁵¹⁰ Подчеркнув, что «отмечены были многочисленные антисемитские выступления во время эксцессов на некоторых предприятиях», он подкрепил свой вывод лишь ссылками на ЛГАО РСС (ныне ЦГА СПб), не приводя никаких подробностей этих «эксцессов». Возможно, в 1973 г. это было сделать трудно, но и в книге о мятеже, выпущенной в 2003 г.,⁵¹¹ он мало что добавил к сказанному прежде, несмотря на обнаруженное здесь пристальное внимание к «еврейскому» вопросу (раскрыты псевдонимы лиц нерусского происхождения, отмечена национальность ряда работников ЧК).

Главный источник сведений о волнениях рабочих Петрограда в начале 1921 г. — политические сводки «революционных троек» разных уровней (фабрично-заводских и районных), в марте 1921 г. ставшие основой общей сводки штаба военной обороны (ШВО) Петрограда. Ценным источником о взглядах горожан во время кризиса 1921 г. являются протоколы заседаний организаторов (секретарей) коллективов РКП(б) на предприятиях. Они содержат немногословные «доклады с мест», но освещают положение почти на всех предприятиях района, выгодно отличаясь от сводок ШВО, в которых ситуация нередко оценивалась «в целом», без должного интереса к подробностям событий на каждом заводе или фабрике. Сводки составлялись также профсоюзными и комсомольскими структурами города, но обычно их содержание мало чем отличается от сводок районных «ревтроек», поскольку очевидно, что они пользовались услугами одних и тех же информаторов: председатель профкома нередко являлся членом ревтройки, наряду с руководителем предприятия и организатором коллектива РКП(б). Движение сводок «наверх» — от предприятия к ШВО — имело следующий порядок: сначала информаторами партийно-профсоюзных органов на предприятиях и в учреждениях составлялись сообщения о положении на местах, затем они передавались (возможно, частично и в устной форме) районным органам власти. Дополненные здесь докладами осведомителей, следивших за уличными толпами и «толкучками» в самых оживленных местах города, на вокзалах, они сообщались штабу ВО. В сводке ШВО по Петрограду компилировались, как

---

⁵¹⁰ Семанов С. И. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. М., 1973.

⁵¹¹ Семанов С. И. Кронштадтский мятеж. М., 2003.

правило, без каких-либо даже стилистических поправок, сводки всех районных «ревтроек». Редактирование и сокращение поступившего информационного материала в основном осуществлялось районными органами власти.

Историки, писавшие о «вольночном» движении в Петрограде в феврале—марте 1921 г., как правило, пользовались материалами политсводок, и это в какой-то мере объясняет, почему в их работах так мало места уделено «еврейскому» вопросу. Свидетельства об антисемитских настроениях на фабриках и заводах в этих сводках найти крайне трудно, а те, с которыми мы встречаемся, весьма неотчетливы. Так, сообщалось, например, что в одном из цехов городского предприятия была обнаружена антисемитская надпись, но кто ее оставил, сколь часто это происходило, проводилось ли здесь расследование — об этом сводка умалчивает. Можно, конечно, предположить, что информатор не все слышал, не обо всем знал, что от него таились, опасаясь репрессий. Почти полное отсутствие сведений об антисемитских настроениях именно на предприятиях едва ли, правда, произошло вследствие пристрастного редактирования информации, предоставленной осведомителями. Любой, кто знакомится со сводками, сразу обращает внимание на то, что они фиксируют огромное количество «подозрительных» мелочей, которым приписывается, и часто безосновательно, оппозиционный политический оттенок. Сообщалось, например, даже о том, что «предполагается танцулька» — видимо, боялись, что она превратится в стихийный антиправительственный митинг. Учитывая, сколь часто тогда (как, впрочем, и до этого, и позднее) «антисоветские» высказывания соседствовали с антисемитскими и зачастую подкреплялись ими, сомнительно, чтобы мимо них могли пройти информаторы.

Никаких инструкций о редакции «низовых» сводок в то время в архивах обнаружить не удалось, но в ряде документов можно найти жалобы на то, что сообщаются неточные и непроверенные сведения. Это явно было реакцией на нагромождение в сводках мелочных бытовых подробностей. В ряде случаев возникает впечатление, что информатору и сообщить было не о чем, но он, следуя заведенному порядку, насыщал свой отчет сообщениями о слухах, раздаче продовольствия, поломках станков, о передвижениях отдельных лиц, интерес к которым он никак не мотивирует. Нередко опрос предприятий прово-

дился с помощью анкет, строго определявших то, на что следует обратить внимание осведомителей. В этих анкетах нет прямой ориентировки на сбор сведений об антисемитских настроениях, но есть требование назвать «фамилию и имя крикунов». Как видим, не отделяются специально политические и иные высказывания, но подмечается все, что может «бунтовать» рабочих. Стоит поэтому предположить, что антисемитские выступления на предприятиях не получили отражения в сводках «ревтроек» именно потому, что их или не было, или, при том ракурсе видения, который выбрали информаторы, они не выдвигались на первый план.

Это можно было бы объяснить, во-первых, большей жесткостью контроля на предприятиях. Выявить «зачинщиков» и «крикунов» здесь были способны намного быстрее, чем на рынках и вокзалах. Это, естественно, вызывало заметную осторожность рабочих при выражении своих взглядов. Во-вторых, поведение отдельного рабочего очень часто унифицировалось на предприятиях поведением большинства из тех, кто на нем трудился, даже если он имел иное, чем они, мнение. Нельзя исключить, что такому рабочему было бы легче «раскрыть» себя не там, где авторитетным являлось слово таких петроградских профсоюзных лидеров и рабочих активистов, как Н. М. Анцелович, Г. В. Циперович, Н. Гордон, Газенберг, Лившиц, и где не интересовались их фамилиями и происхождением. Отметим также, что ни в одном из сохранившихся в архивах протоколов фабрично-заводских собраний в Петрограде в феврале—марте 1921 г., равно как и в их постановлениях, нет антисемитских выпадов.

Конечно, значительная часть протоколов составлялась кратко, вопросы, интересовавшие их участников, имели преимущественно хозяйственно-бытовой характер, а на многих «неблагонадежных» (и не только на них) заводах и фабриках собрания старались вообще не проводить — они могли привести к коллективной забастовке. Оппозиционных постановлений рабочих, принятых в феврале-марте 1921 г. на различных предприятиях, сохранилось много, и ни в одном из них также нет антисемитских нот. Впрочем, едва ли они могли и возникнуть, учитывая, что почти все такие резолюции составлялись меньшевиками. На это указывали и в большевистской прессе, и в выступлениях ряда чиновников на заседаниях Петросовета. Это признавали и сами меньшевики, Антисемитские сегменты в фабрично-

заводских резолюциях были бы невозможны еще и потому, что основным мотивом тогдашних оппозиционных выступлений на предприятиях являлось обвинение большевиков в том, что они не выполняют своих обещаний, что они отказались от лозунгов, выдвинутых 25 октября 1917 г., что нет свободы, равенства, братства. Сам тон и содержание этих выступлений не давали ни малейшей лазейки для антисемитских вкраплений. Это было бы оценено как «черносотенство» и противоречило бы всей системе защиты рабочих, которые упорно отвергали обвинения в «контрреволюции» и требовали (как в целях легитимизации своих лозунгов, так и страхуясь от возможных репрессий) возвращения к «подлинной» советской власти.

Не очень ясны и сведения об антисемитской агитации на предприятиях, приведенные в уже отмеченном выступлении М. Лашевича на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. Здесь нет четких указаний на круг лиц, ведущих пропаганду, не названы и те заводы, где это было замечено. Трудно определить, шла ли здесь речь о том, что агитировали сами рабочие, или это делали «пришлые» ораторы. Вся логика речи Лашевича (в ней говорилось о постановлениях, принятых на заводах и представлявших «перепев старых меньшевистских и эсеровских лозунгов», к которым «примыкали явно черносотенные элементы, раздавались рукописные воззвания Союза возрождения Родины», велась антисемитская агитация...),⁵¹² могла создать у слушателей представление о том, что рабочие являлись лишь объектом эсерово-меньшевистских и черносотенных инсинуаций — а это нужно было оратору, который пытался отделить «подстрекателей» от «обманутых рабочих» и тем самым приуменьшить размах протестных настроений.

Более подробные сведения об антисемитских настроениях рабочих мы можем почерпнуть из политических сводок по Петроградской губернии, составляемых (обычно два раза в месяц) Окружным цензурным отделением особого отдела охраны Финляндской границы и Петроградской ЧК. Сводка представляет собой подбор тех выдержек из перлюстрированных частных писем, где содержатся какие-либо оппозиционные мнения. Уже одно это заставляет проявлять особую осторожность при работе с таким источником. В извлеченных цензором фрагментах трудно выявить как контекст, необходимый для понимания логики

---

⁵¹² Петроградский Совет. Стб. 6.

протеста, так и нередко мотивировки мнений — и прямые, и косвенные. Фиксация только антиправительственного выпада, без обнаружения той причинно-следственной связи, которая его обусловила (и которая могла быть воссоздана по отсутствующим фрагментам письма, вероятно, не очень интересным для перлюстратора) даст лишь, выражаясь гегелевским языком, «результат» без его «становления». Правда, при общей скудости источников и такими документами пренебрегать нельзя, тем более что в ряде случаев можно найти и довольно обширные выписки из писем. Многие письма датированы приблизительно (нередко указывается лишь месяц отправки), и обычно нет сведений ни об их адресатах, ни о самих их авторах. Их профессия и положение только отчасти могут быть прояснены при изучении текста выписок.

Несколько писем антисемитского содержания приведены в политической сводке по Петроградской губернии с 16 февраля по 1 марта 1921 г. Первое из них не имеет точной даты, но составитель относит его к февралю 1921 г. Цензору показались достойными внимания два места из письма. Первое из них касается положения петроградцев: «Рабочие начинают понемногу бунтоваться. Вчера было бурное собрание на Лафермской фабрике — долой коммуны, свободную торговлю <...> Скорей бы конец. Так все надоело, почти все ходят раздетые и босые, все променяли на хлеб да на картошку».⁵¹³ В этой же выписке далее следует запись антисемитской частушки, в которой неприязненно говорится о тех, кому «Россия-матушка хлебобородная» отдает хлеб; есть здесь и фраза: «Давай Николая».⁵¹⁴ Не очень ясно, каково было место частушки в письме, звучала ли она на заводах, от кого услышал ее автор письма (и не сочинил ли он ее сам). Появление частушки в письме вместе с тем неслучайно. Это скорее продолжение имеющего оппозиционный оттенок рассказа о хлебном голоде, и эту связь, возможно, и уловил составитель сводки.

Отметим, правда, что среди лозунгов, выдвинутых на фабрике Лаферм, нет антисемитских, а если бы они возникли, то едва ли были бы обойдены вниманием корреспондента, учитывая его интерес к антисемитскому фольклору. Вряд ли можно

---

⁵¹³ Горячечный и триумфальный город. Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу. СПб., 2000. С. 224.

⁵¹⁴ Там же.

предположить и то, что рабочие хотели «Николая». Монархистов среди них было мало и до 1917 г., а после октября жупелом «царской реставрации» агитаторы запугивали, и не без успеха, и в прессе, и на многих митингах и фабрично-заводских собраниях. Едва ли им так широко стали бы пользоваться, если бы не считали его эффективным средством для борьбы с оппозицией. Особо подчеркнем соседство политических и антисемитских выпадов — это характерная примета и других писем, на которые обратил внимание цензор.

В этом отношении показательно другое письмо, отмеченное в сводке. Оно датировано 15 февраля 1921 г. Здесь описаны и голод солдат, и ненависть матросов к советам, и трудовые повинности крестьян, и делается вывод: «И [до] каких это пор будут все терпеть, это просто удивительно, как[им] народ стал послушным».⁵¹⁵ Указав затем тех, под чью «дудку» народ «пляшет», автор продолжает письмо так: «А коммунисты у нас живут очень хорошо, им и продукты выдают».⁵¹⁶ Это характерное соседство двух обвинений заставляет предположить, что коммунисты и евреи для корреспондента синонимичны. Новшеством здесь, пожалуй, является обвинение всего русского народа в том, что он выполняет чью-то волю.

О политических корнях антисемитизма в феврале—марте 1921 г. почти никто не писал. Одним из первых обратил на них внимание С. Н. Семанов, который считал, что «это не случайно: среди руководства Петроградской организации РКП(б), а также в карательных органах, находилось значительное число лиц еврейского происхождения».⁵¹⁷ Здесь однако уместен вопрос о том, что первично в этом политико-антисемитском выпаде: то, что «руководитель» был евреем, или то, что он был плохим «руководителем». Сотни документов, запечатлевших петроградские события 1921 г., свидетельствуют о том, что неприязнь в первую очередь вызывала сама политика руководства. Будь она другой, отвечающей интересам и чаяниям масс, ведущей не к голоду, а к процветанию — вопрос о том, сколько евреев находится, например, в Петросовете, возможно, едва ли был актуален.

Основную часть работников ЧК, партийных и государственных структур составляли русские, были там и латыши, и

---

⁵¹⁵ Там же. С. 180.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. С. 49.

представители других национальностей, но только положение евреев в органах власти вызывало значительный интерес. Можно предположить поэтому, что политический антисемитизм образца 1921 г. являлся ширмой обыденного антисемитизма, что первичным здесь была национальная неприязнь, а не политический протест.

Кризис 1921 г., как любой кризис, сопровождается поиском виновников, которых каждый ищет, исходя из своих политических и национальных предпочтений и не всегда сверяясь с реальностью — и потому находит или белогвардейца, или эсера, или интервента, или большевика, или еврея. Кризис 1921 г. только способствовал тому, что этот низовой антисемитизм выявился в политическом обличье рельефнее, «маргинальнее» — в силу «маргинальности» самой ситуации в городе. Так, в письме, датированном 19 февраля 1921 г., один из корреспондентов протестует против присутствия евреев в Трибунале.⁵¹⁸ Возмущение «засильем» вдруг получает иной оттенок, когда мы знакомимся с продолжением письма: видно, что раздражение обусловлено не только этим, но и личной неприязнью корреспондента, у которого все, что связано с евреем, вызывает отвращение.

Примечательно и выявленное цензором письмо от 2 февраля 1921 г. Здесь антисемитская реплика предваряется следующим текстом: «Наши товарищи о нас мало заботятся, везде нужны большие взятки или хорошее знакомство с доктором, а у нас ни того, ни другого нет. Ездят как на лошади..., нам ничего не выдают, ни сапог, ни платьев».⁵¹⁹

Близким по эмоциональному накалу является и письмо, датированное 28 марта 1921 г., в котором антисемитский выпад завершает критику советских порядков, весьма жесткую: «Красные собачки... всю Россию разрушили, разграбили. А в своей “Красной газете” пишут о власти рабочих и крестьян».⁵²⁰

В обоих письмах антисемитские реплики, как ни парадоксально, напрямую не соотнесены с содержанием обвинения. Первичным здесь является раздражение вследствие трудностей быта, взяток, кумовства, неравенства в оплате труда, нехватки сапог и платьев, разрухи, грабежа. Поводов для возмущения настолько много, что даже предвзятому корреспонденту было бы

⁵¹⁸ Горячечный и триумфальный город. С. 190.

⁵¹⁹ Там же. С. 163.

⁵²⁰ Там же. С. 207.

трудно их связывать с одной лишь фигурой еврея — возможно, поэтому объектом ненависти становятся сначала только «товарищи» или «красные собачки». Евреи же присоединяются к этим «товарищам» попутно, безотносительно к каким-либо конкретным ситуациям, виновником которых они могли бы быть (например, взятки или кумовства), *post factum*.

Ряд писем, отмеченных в сводках февраля-марта 1921 г., имеют скорее информационный характер — они почти не отражают настроения корреспондентов и содержат в основном записи происшествий в городе. Разумеется, отбор событий и сочувственный оттенок, заметный при передаче ряда сведений, в какой-то мере позволит нам выявить позицию авторов письма — но говорить о прямом их отклике здесь нельзя. Письмо от 22 февраля 1921 г. дает следующую оценку положения в Петрограде: «Новостей особенно нет, есть небольшая волынка, но не опасная. Лозунг таков: “Долой евреев, да здравствует Ленин”». ⁵²¹ Если принять во внимание содержащуюся в этом же письме фразу: «сегодня получен приказ не выпускать на берег с кораблей и усилить охрану на кораблях», ⁵²² то есть основание предположить, что корреспондентом мог быть и кто-то из матросов. Был ли он очевидцем того, что происходило в это время на заводах, сказать трудно. В письме правильно отмечено нарастание «волынок» — так в официальной прессе предпочитали говорить о забастовках, довольно часто пользовались этим словом и сами рабочие. Можно спорить о том, являлась ли «волынка» 22 февраля еще «небольшой» и «неопасной», ⁵²³ но на лозунге, якобы поддержанном рабочими, стоит остановиться особо. Такого лозунга ни на одном из предприятий Петрограда не выдвигали ни тогда, ни позднее, но едва ли этот слух возник случайно. Ряд отмеченных в сводках писем в феврале—марте 1921 г. передают слухи о борьбе Ленина с Троцким, даже о попытках ареста Ленина, о том, что Ленин стоит за народ. Один из корреспондентов писал, например, о том, что «в городе усиленно циркулирует слух..., будто Ленин, видя полную разруху, собирает вокруг себя беспартийных, которым намеревается передать бразды правления». ⁵²⁴ Письмо, правда, датировано

⁵²¹ Там же. С. 186.

⁵²² Там же.

⁵²³ Спустя два дня будет объявлено о закрытии бастовавшего Трубочного завода, что станет сигналом для начала всеобщей стачки в городе.

⁵²⁴ Горячный и триумфальный город. С. 211.

29 мая 1921 г., но сведения о «конflikте» Ленина с Троцким мы обнаруживаем и в письмах февраля—марта. В письме от 25 марта 1921 г., зафиксированном в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 31 марта 1921 г. и содержащем грубые ругательства по адресу Троцкого, сообщалось о том, что он стремится «еще больше задавить рабочий класс. Он хотел [к] каждому рабочему приставить солдата с винтовкой, чтобы рабочий не мог ни минуты отдохнуть во время работы.., хотел ввести военную дисциплину, а теперь после недавнего выступления Кронштадта ясно, что он, пожалуй, и сделает. Вообще Ленин [а] в народе уважают, а Троцкого ненавидят».⁵²⁵

Скорее всего это было эхом развернувшейся на рубеже 1920—1921 гг. (и еще не утихшей к февралю 1921 г.) дискуссии о профсоюзах, в которой взгляды Троцкого нередко искажались его оппонентами. Троцкому приписывали курс на «завинчивание гаек», на милитаризацию производства — но примечательно, что Ленин, отвергавший либеральные «протонэповские» новации Троцкого в начале 1920 г. и назвавший одну из глав книги Н. И. Бухарина,⁵²⁶ посвященную «внеэкономическому принуждению», «прелестью», представлялся для широких масс все же более умеренным большевиком. То, что главным оппонентом «хорошего» Ленина был назван именно Троцкий (а не спорившие с ним также в это время Н. Бухарин, Н. Осинский и А. Шляпников), отражало не только положение председателя Реввоенсовета в кремлевской иерархии. Фигура Троцкого использовалась нередко в антисемитских выступлениях. В письмах из Петрограда, отправленных в начале 1921 г. и отмеченных цензором, часто можно встретить красочный рассказ о том, как Троцкий пошел к гадалке узнать о том, «чем все кончится» — этот слух позднее получил отражение даже в художественной литературе. Гадалка ответила: «Молот-серп» и попросила прощсть это справа налево, «по-еврейски», как заметил один из корреспондентов. Нельзя исключить, что борьба с ним Ленина могла восприниматься и как борьба русского с евреем, хотя прямо в доступных нам письмах об этом и не говорилось.

Более подробно события в Петрограде в эти дни описываются в другом письме, отправленном 22 февраля 1921 г.: «Вчера

---

⁵²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 360

⁵²⁶ *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. М., 1920.

на В[асильевском] о[строве] было восстание рабочих, которое сначала выражалось в том, что всех снимали с трамваев, якобы едущих на советскую службу, а затем стали останавливать автомобили и заставляли в них едущих идти пешком на пра[вах] равенства». Далее автор письма пишет о том, что восставшие «под конец разошлись до такой степени», что «стали колотить» всех евреев и организаторов коллективов РКП(б), причем, по его словам, «особенно досталось» председателю Петроградского губернского Совета профсоюзов Н. М. Анцеловичу. «Только тогда, — продолжает корреспондент, — были приняты меры и прислали на успокоение матросов. Но матросы отказались стрелять из[-за] того, что они также стоят за Учредительное собрание. Тогда бунтовщики были оцеплены красными курсантами, и вот последние-то и успокоили восставших, стреляя по толпе».⁵²⁷

По этому письму можно отчетливо увидеть механику конструирования слухов в Петрограде — если сопоставить его с тем, что доподлинно известно о событиях в городе в конце февраля 1921 г. Волнения на Васильевском острове начались не 27 февраля (если признать правильной датировку цензором письма), а 28 февраля. Восстанием их назвать было трудно. Произошло следующее. Трудившиеся на Трубочном заводе пришли на работу 28 февраля и, узнав, что завод закрыт на «перерегистрацию», обратились за поддержкой к близлежащим фабрикам и заводам. Там тотчас остановили станки. Толпа, собравшаяся на Косой линии Васильевского острова, хлынула на Большой проспект. Матросов для разгона толпы не привлекали, а сразу бросили против стачечников курсантов, которые выстрелами вверх разогнали демонстрацию — ни один из ее участников не пострадал. В этот же день в городе распространился слух о расстрелах на Васильевском острове. Чуть позднее это стали усиленно опровергать в официозной прессе: приводились свидетельства очевидцев, причем оговаривалось, что они не являются коммунистами. Сомнительно, чтобы матросы отстаивали лозунг Учредительного собрания — он не выдвигался даже в первоапрельской резолюции восставших кронштадтцев, которые особо протестовали против того, чтобы им приписывали симпатии к «учредилке». Употребленное в рассказе о матросах «учредиловцах» слово «также» можно счесть намеком на то, что те же «учредилковские» настроения были присущи и «вос-

⁵²⁷ Горячный и триумфальный город. С. 188–190.

ставшим» рабочим. Это однако требует существенных оговорок: лозунги Учредительного собрания мы не найдем ни в одной из многочисленных оппозиционных (в прочих и искать не стоит) резолюций, принятых в те дни на фабриках и заводах. «Снятие» с трамваев не подтверждается документами, хотя можно предположить, что в этом слухе отразились как перерывы в работе транспорта, неизбежные ввиду беспорядков в центре города, так и попытки демонстрантов «снять» рабочих с других предприятий — они были повсеместно отмечены после разгона шествия на Васильевском острове.

Автомобили также никто не останавливал, но были случаи, когда их забрасывали снегом, как это произошло с машиной, в которой ехал Н. М. Анцелович; этим, кстати, чаще занимались дети и подростки, в чьей политической грамотности стоит усомниться. Как видим, иногда слухи имели некоторое основание, но в целом их едва ли можно было считать достоверными. Уже одно то, что сообщение об избиении евреев и организаторов коллективов РКП(б) оказалось в обрамлении именно таких слухов, заставляет проявлять крайнюю осторожность при оценке писем. Полемику оппозиционеров с руководителями низовых партийных организаций можно обнаружить в ряде протоколов фабрично-заводских собраний, но до драк дело все же не доходило. Ни в одной из сводок нет даже намека на погромы, не говорилось об этом в советской прессе, которая усиленно пыталась приписать забастовщикам «черносотенство» и которая едва бы прошла мимо каких-либо открытых антисемитских выступлений, если бы они произошли в то время.

В этом письме несомненно одно — оно почти сочувственно описывает и антиправительственные действия, имевшие место, и мнимые погромы. Но вот был ли автор письма рабочим — этого с уверенностью утверждать нельзя. Сам цензор об этом молчит, а корреспондент, как видим, смутно представляет себе то, что происходило тогда на предприятиях.

Еще одно письмо датировано цензором 16 июня 1921 г. и помещено в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 30 июня 1921 г. Уже по ряду деталей, приводимому в письме, заметно, что документ имеет неправильную датировку: «Опишу положение в Петрограде сложилось критическое... Моряки гарнизона Петрограда отказались подавлять выступление рабочих. Моряки все на стороне рабочих, кроме коммунистов.

В Петрограде выступили некоторых заводов рабочие...».⁵²⁸ Очевидно, что письмо написано еще до завершения петроградской «волынки» идо начала Кронштадтского мятежа, т.е. скорее всего между 24 и 28 февраля 1921 г. Приведенный нами фрагмент перлюстрированного цензором письма отчасти подтверждается другими свидетельствами о положении Петрограда в конце зимы 1921 г. Публичного и категоричного отказа матросов от участия в подавлении «волынки» тогда высказано не было (впрочем, их и не просили об этом), но среди них действительно было много недовольных расправой над рабочими, и это, возможно, являлось одной из причин того, что более благонадежными власти тогда сочли курсантов. В прошлые же годы для разгона стачечников матросов привлекали весьма активно и охотно, что в какой-то мере обусловило стойкую неприязнь горожан к «клепникам».⁵²⁹ На эту необычную сдержанность матросов могли обратить внимание горожане — как, впрочем, и на то, что некоторые «делегации» из Кронштадта, желавшие посетить заводы, с недоверием восприняли официальную версию событий на Васильевском острове.

В целом верны и сведения о волнениях в Петрограде, но следующая после них запись — «есть жертвы и жестокие расправы» с комиссарами и евреями — нуждается в уточнении. Слово «жертвы» можно оценить и как оценку корреспондентом итогов демонстрации и (но уже с большими оговорками) как следствие «жестоких расправ». Слово «жертвы» в лексиконе революционной эпохи имело оттенок сочувствия к пострадавшим, а все содержание второй части письма пропитано ненавистью к большевикам: «Комиссары уже не могут что-нибудь напеть», «набросано много партийных билетов», «масса на стороне повстанцев».⁵³⁰ Не очень, правда, ясно, писалось ли это письмо во время Кронштадтского мятежа. Есть в нем фраза о том, что «восстание еще не подавлено», но идет ли речь о восстании матросов или о восстании рабочих, определить трудно, учитывая, сколь близко это письмо в передаче слухов к уже отмеченному письму от 28 февраля 1921 г. Нельзя исключать, что корреспондент имел в виду именно рабочих. Возможно, конеч-

⁵²⁸ Там же. С. 224.

⁵²⁹ Политсводки, составленные в марте 1921г., зафиксировали, напри мер, такие реплики горожан: «Матросов надо проучить», «комиссаров поприжмут, лучше станет».

⁵³⁰ Горячный и триумфальный город. С. 224.

но, что Кронштадтское восстание горожане связывали с отказом матросов подавить «волынки». Маловероятно однако, чтобы автор письма ни словом не обмолвился о восстании именно в Кронштадте (если бы знал о нем), а цензор рискнул бы не отметить его отношение к Кронштадту, хотя на это он и обязан был обратить внимание в первую очередь.

Говоря о лозунгах, с которыми выступали рабочие, автор письма приводит лишь два из них, прибавляя, что «много есть других, которых описать не могу».⁵³¹ Видимо, это следствие самоцензуры: в одном из вскрытых цензором писем от 28 марта 1921 г. мы, например, находим такие строки: «Уведомляю вас о том, что здесь произошло, потому что в том письме, которое вы получили, писать было нельзя».⁵³² Корреспондент также не был уверен в том, «дойдет ли (это письмо. — С. Я.), потому что проверяют».⁵³³ Можно предположить, что автор такого письма, крайне осторожный в условиях военного положения и повальных арестов, чуть осмелел к концу марта 1921 г., когда мятеж был разгромлен и осадное положение было снято.

Какие же из лозунгов рабочих автор письма, датированного цензором 16 июня, все же смог привести, не опасаясь цензуры? Это, во-первых, требование «вольной торговли» — оно действительно было поддержано в те дни во многих фабрично-заводских постановлениях, и, во-вторых, это антисемитский лозунг. Уже одно «белогвардейское» оформление этого лозунга, кончавшегося призывом «спасай Россию», заставляет усомниться в том, что его выдвинули сколько-нибудь многочисленные слои рабочих — в отличие от требования «свободной торговли». «Черносотенцы», «погромщики» и «белогвардейцы» уже тогда были однозначно одиозными личностями в глазах рабочих, и причисление к ним всех оппозиционеров, выступавших против коммунистов, вызывало бурные протесты. Указание на то, что восстание в Кронштадте возглавлял якобы «царский генерал» Козловский, едва ли было случайным — оно помогло очернить восставших, о чем свидетельствует ряд сводок о настроениях петроградцев, составленных в начале марта 1921 г.

Если вычленить в этом письме факты, подтвержденные другими источниками и неоспоримо установленные, то уви-

---

⁵³¹ Там же.

⁵³² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 360.

⁵³³ Там же.

дим следующее. Действительно, как сообщал автор письма, «выступали некоторых заводов рабочие», среди их лозунгов была «вольная торговля», «были бурные события без всяких разрешений», а положение являлось «критическим». Наряду с этим, здесь допущены бездоказательные утверждения о том, что «много набросано партийных билетов» (хотя не все коммунисты, как отмечалось позднее, оказались на «высоте положения»), о том, что «масса на стороне повстанцев». Источники, за редким исключением, в основном отмечают всеобщую апатию горожан, едва ли объяснимую только боязнью репрессий. Нет свидетельств и того, что матросы гарнизона, кроме коммунистов, поддержали рабочих.

Отмечая эти неточности, мы можем допустить, что автор письма едва ли был очевидцем всех описанных им событий и что он скорее пользовался слухами, одни из которых могли быть более, а другие менее точными. Слухам обычно свойственны: а) преувеличение масштабов и значимости каких-либо событий, определяемое главенствующими умонастроениями, чаяниями и ожиданиями общества; б) исчезновение при передаче слухов различных деталей, подробностей событий, упрощение их содержания; в) выделение именно ярких событий и необычных случаев — не самых характерных, но самых красочных. Обратим внимание на то, что описанное корреспондентом не содержит ни дат, ни имен, ни мелких деталей произошедшего. Все предельно обобщено, автор письма «везде и нигде», в ряде строк заметна даже пафосность — едва бы мы удивились, если бы обнаружили такие сведения не в частном письме, а в антиправительственной листовке. Нет, впрочем, и оснований обвинять корреспондента в преднамеренном обмане. Вполне допустимо, что он мог встретить и рабочих-антисемитов, и недовольных матросов — вопрос в том, насколько он гиперболизировал и «обобщил» увиденное им лично, насколько он «подогнал» свои наблюдения под клише, привычные для описаний такого рода необычных случаев, волнений, манифестаций — описаний, осевые конструкции которых заметны и в оппозиционной, и в советской пропаганде.

Сведения о массовых антисемитских настроениях рабочих содержатся и в письме, датированном 28 марта 1921 г.: «В Петрограде образовался голод и холод. Рабочие вышли на улицу и стали кричать: “Долой коммунистов и евреев, давай хлеба и

дров!»⁵³⁴ В единственной демонстрации рабочих, состоявшейся 24 февраля 1921 г. на Васильевском острове, антисемитских лозунгов и выкриков замечено не было (ни коммунистами, ни их противниками). В скоплениях людей, возникавших на оживленных перекрестках улиц (Невского и Литейного, Невского и Лиговского), информаторы могли слышать отдельные антисемитские высказывания, но уверенно говорить о том, что эти толпы состояли из рабочих, нельзя. Да и говорили в толпе вполголоса, боясь, оглядываясь по сторонам, замолкая, как только чувствовали опасность. Ни в одном из фабрично-заводских документов тех дней, дошедших до нас, не было зарегистрировано лозунга «Долой коммунистов» — и даже в постановлениях оппозиционных, где содержались выпады против ЧК и террора, против недоверия к беспартийным, против неумелого хозяйствования коммунистов, где желали передать «Власть Советам, а не партиям». Лозунг «Советы без коммунистов», приписанный агитаторами петроградским стачечникам и кронштадтским матросам, являлся позднейшей фальсификацией. Но если «антикоммунистические» пункты многих фабрично-заводских постановлений можно было воспринять как скрытое стремление «удалить» коммунистов, то антисемитских лозунгов (скрытых или открытых) мы не найдем ни в одном из этих постановлений. Конструкция, стиль и содержание приведенной выше фразы о «криках» указывают на то, что здесь скорее осуществлено суммирование, обобщение лозунгов, но не их дословная передача. Это не «летописное», сухое и деловитое описание: иначе бы мы узнали о том, кто именно кричал, где это происходило, о последовательности «криков», о последствиях их. В этом же суммировании, упрощении содержания ряда эпизодов или одного из них корреспондент мог быстрее позволить себе импровизации и субъективизм, мог скорее одну реплику принять за всеобщий крик, настроение толпы — за мнение всех горожан.

В следующей части этого выявленного цензором письма от 28 марта 1921 г. сообщается о том, что в ответ на крики рабочих была открыта стрельба по ним, причем в числе ее виновников назывались, наряду с коммунистами и милиционерами, и евреи. Какие рабочие «кричали», когда и где по ним стреляли — об этом не говорится ни слова: ни имен, ни дат, ни подробностей. Можно предположить, что это — передача слухов о демонстрации 24

---

⁵³⁴ Там же.

февраля. В пользу этого свидетельствует фраза: «рабочих разогнали по домам» — но ее предельная абстрактность, даже по сравнению с другими письмами, наводит на мысль о том, что корреспондент получил сведения из вторых или даже из третьих рук. Обращает на себя внимание странная градация разных контингентов «стрелявших». Не задаваясь даже вопросом о том, почему коммунист не мог быть евреем, а милиционер — коммунистом, едва ли в реальности можно было четко отделить одну группу от другой и сделать выводы с той уверенностью, которая может отличить только очевидца. Не исключено, что это перечень тех, кто мог быть, по мнению автора письма, сторонником советской власти, и, следовательно, должен был отстаивать ее с оружием в руках. Он и «дал» им винтовку и «заставил» их стрелять, не желая перепроверить слухи. Никакими свидетельствами массовые расстрелы ни на улицах, ни на предприятиях, ни даже в подвалах ЧК в те дни не подкрепляются — в том числе и показаниями тех, кто стоял по другую сторону баррикад, в частности, Ф. Дана. Далее в письме приводятся совсем уже недостоверные слухи об истреблении всех евреев в Кронштадте во время мятежа, а затем о том, что коммунисты и евреи «испугались, к[а]к бы не восстали по всей России, собрали большое войско и пошли воевать на Кронштадт».⁵³⁵ Последняя запись вообще имеет какой-то «былинный» оттенок, но именно эта диковинная фраза о том, что евреи «собрали большое войско», как кажется, отчасти проясняет психологическую подоплеку рассказа корреспондента.

Фигура еврея возникает здесь весьма часто и в своеобразном контексте — либо он стреляет, либо его истребляют, либо он «собирает войско». Она автоматически подверстывается под любой факт, реальный или вымышленный. И именно этот вымысел, где, несмотря ни на что, всегда находится место еврею, является той лакмусовой бумажкой, которая позволяет в определенной степени обнаружить умонастроение корреспондента, определяющее сценарий его рассказа.

Это письмо мы можем счесть основным документом, позволившим С. Н. Семанову сделать вывод о том, что «были многочисленные антисемитские выступления во время эксцессов на некоторых предприятиях Петрограда».⁵³⁶ Из приве-

---

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. С. 41–42.

денного письма однако не совсем ясно, на каких «некоторых предприятиях» были эксцессы, — говорилось ведь только о том, что «рабочие вышли на улицу и стали кричать». Требуется уточнения и тезис о «многочисленности» антисемитских выступлений. В процитированном выше отрывке письма число рабочих никак не оговаривалось, хотя по общему настрою его автора и можно предположить, что он считал его значительным. С. Н. Семанов ссылается также на ряд писем, помещенных в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 30 апреля 1921 г.⁵³⁷ Эти письма написаны в апреле и не касаются февральско-мартовских событий. Их авторы не названы и неизвестно, являлись ли они рабочими: по содержанию письма это установить нельзя.

Как видим, перлюстрированные письма являются весьма своеобразным источником, на основании которого едва ли можно сделать четкие и однозначные выводы о причинах, проявлениях и масштабах антисемитских настроений среди рабочих в феврале–марте 1921 г. Эти письма (вернее выдержки из них, приводимые цензором) противоречивы и фрагментарны, что требует от исследователя скрупулезного источниковедческого анализа, вплоть до применения текстологических приемов, внимания к структуре, лексике и синтаксису текстов. Особое значение при этом имеет изучение механизмов формирования и воспроизводства слухов — это позволяет лучше оценить степень достоверности передаваемых корреспондентом сведений.

В мемуаристике вопрос об антисемитских настроениях в Петрограде в феврале–марте 1921 г. почти не затрагивается. Одно из немногих, хотя и ярких исключений — воспоминания лидера меньшевиков Ф. И. Дана,⁵³⁸ находившегося в Петрограде с февраля 1921 г. По мнению Дана, характерная примета, «рисующая настроение масс, проскользнула в рассказе одного из членов группы “Единство”,⁵³⁹ ...с которым я встретился случайно в частном доме. Он с восторгом рассказывал о своем свидании с рабочим кружком, который стоял на платформе Учредительного собрания, уверял, что движение не остановится, пока не свалит большевиков, и требовал присылки ораторов наличные собрания: “Только не присылайте евреев”, — просил

⁵³⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 305, 306.

⁵³⁸ Дан Ф. И. Два года скитаний (1919–1921 г.). Берлин, 1922.

⁵³⁹ Группа, объединившая в 1917 г. меньшевиков, стоявших на крайние правых позициях; возглавлялась Г. В. Плехановым.

кружок. Оказывалось, что движение, способное будто бы и явно контрреволюционные силы увлечь за собою на путь борьбы за демократию, само подвергалось опасности подпасть под влияние реакционной антисемитской демагогии. Думать, что при таких условиях стихийное рабочее движение может сыграть роль политического руководителя всех других антибольшевистских сил, значило передаваться величайшим иллюзиям. Приходилось опасаться обратного: как бы бурный порыв рабочих масс, доведенных до отчаяния голодом и холодом, не был политически использован силами контрреволюции».⁵⁴⁰

Группа «Единство» занимала среди социал-демократов крайне патриотическую позицию и может быть не случайно, что ее представитель обнаружил именно такой кружок. Здесь возникает несколько вопросов. Во-первых, необходимо уточнить, о каком «движении» вдет речь — если только о кружке, то едва ли можно допустить, что он намеревался своими силами победить коммунистов. Если же имелось ввиду «движение» всех петроградских рабочих, то уместным становится вопрос о том, почему кружок считал, что «движение не остановится до тех пор, пока не свалит большевиков» — учитывая, что столь радикальных призывов к расправе с коммунистами мы не найдем ни в одном из документов февраля–марта 1921 г. Во-вторых, неясно, что подразумевал кружок под «уличными собраниями». Применительно к Петрограду февраля–марта 1921 г. можно говорить лишь об уличных «толкучках», случайных скоплениях людей, и скоплениях не очень многочисленных. Неясно, на какие уличные собрания звались ораторы, поскольку свидетельств о них мы также нигде не обнаруживаем. В-третьих, несколько путаное сообщение (в том виде, в каком его передает Дан), к сожалению, нельзя сравнить с другими свидетельствами о каких-либо рабочих кружках — и «учредительских», и иных: они отсутствуют. И, наконец, в-четвертых, необходимо задать вопрос, могла ли реплика *одного* из представителей крайне малочисленной группы «Единство» о позиции *одного* рабочего кружка (о котором ничего не известно, кроме того, что он существовал — если верить рассказчику) служить основанием для столь широких выводов о том, в каком положении находится в целом рабочее движение. Можно поэтому предположить, что он имел и какие-то другие свидетельства —

⁵⁴⁰ Дан Ф. И. Два года скитаний (1919—1921 г.). С. 112.

но это маловероятно, учитывая, сколь детально фиксировал он в своих мемуарах все, относящееся к евреям.⁵⁴¹

Нельзя исключить и того, что столь безапелляционные выводы сформировались у него позднее, по мере осмысления итогов февральско-мартовских событий — вследствие весьма низкой оценки им способности петроградских рабочих к сопротивлению большевизму. В своей книге он часто и эмоционально говорит (и тут он прав) о том, что рабочих можно было купить подачками, раздачей обуви, одежды и продовольствия, о том, что они распылены и деклассированы, не интересуются политикой и озабочены только поисками хлеба. Возможно, это в какой-то мере могло обусловить и более категоричный, чем это позволяли факты, вывод об их антисемитских настроениях. Во всяком случае, ему были присущи та же пафосность, тот же эмоциональный накал, тот же обвинительный тон, какие обнаруживаются и в его замечаниях по поводу революционности рабочих. Отметим попутно, что содержание его пассажа о националистических уклонах рабочих очевидно сформировано цепью клише, характерных для социал-демократических листовок («реакционная демагогия», «стихийное рабочее движение», «роль политического руководителя», «путь борьбы за демократию», «бурный порыв рабочих масс, доведенных до отчаяния голодом и холодом», «силы контрреволюции»). За нагромождением этих штампов как-то ускользает сама реальность, явление неизбежно гиперболизируется, поскольку гиперболичны описывающие его термины. Возникает ощущение, что мелкий факт задрапирован слишком широкими одеяниями догматических истолкований — но других терминов, необходимых для синтеза впечатлений, для «общих» выводов, у него нет, и потому он пользуется привычными политическими понятиями.

Чаще всего осведомители обнаруживали антисемитские настроения в феврале–марте 1921 г. не на фабриках и заводах, а на рынках, «толкучках», на улицах и вокзалах. Трудно сказать, где степень контроля за поведением людей в те дни была выше. Правда, на предприятиях имелась более разветвленная система сбора информации, с помощью не только малочисленных тогда агентов ЧК, но и коммунистов, рабо-

---

⁵⁴¹ Так, он подробно излагает рассказ начальника караула, охранявшего Дана в Петропавловской крепости, об издевательствах над арестованным евреем-купцом (Там же. С. 140).

тавших у станка, профсоюзных и комсомольских активистов или просто «сочувствующих». Слежка ни для кого не была секретом, и Дан, в частности, сообщает о том, что комячейки называли тогда «комишкойми» — а это вызывало у рабочих особую осторожность. Проявления ее можно обнаружить и в докладах осведомителей, дежуривших на улицах, хотя здесь и труднее было определить, кто интересуется политическими разговорами в толпе — случайный прохожий или профессиональный слушатель.

Обратимся к примечательному документу — записи информаторов о разговорах, которые велись на улицах Петрограда. Документ не датирован, но, учитывая его содержание, можно предположить, что он составлялся в дни Кронштадтского мятежа. Неясно, в каких местах находились информаторы: край бумаги, на которой была написана импровизированная сводка, оторван. Правда, в другом документе, сохранившемся в этом деле, отмечены фамилии лиц, наблюдавших на улицах, с указанием мест их дежурств.⁵⁴² В конце сводки встречаем запись: «Посланы 9 утра. Вернулись 2-3», т.е. время слежки составляло 6-7 часов. «Улов» осведомителей, если рассматривать только то, что зафиксировано в сводке, нельзя признать большим. Сообщение каждого из них состоит из нескольких фраз, запечатлевших не только наблюдения информаторов, но и различные, возможно дословно переданные реплики, услышанные в толпе. Антисемитские высказывания отмечены в двух сообщениях. В первом из них антисемитский выпад воспроизведен после записи: «Газете не верят. “Врет”».⁵⁴³ Во втором приведены антисемитские высказывания о Троцком; их предвещает запись: «Старух 20. “Все врут.”».⁵⁴⁴ Антисемитские возгласы в этих донесениях оказались связанными с разговорами о «вранье» советских газет, но строить догадки о том, почему это произошло, трудно ввиду фрагментарности записей.

Несмотря на то что информаторы были посланы наблюдать за поведением людей во время политического конфликта, в их докладах крайне мало сведений о политических настроениях масс. Осведомители это даже фиксируют особо: «О событиях не говорят», «вопросы исключительно хозяйственные», «занима-

---

⁵⁴² ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

⁵⁴³ Там же. Л. 8 об.

⁵⁴⁴ Там же.

ются только «экономикой»». ⁵⁴⁵ «Еврейская» тема, наряду с темой «газетной лжи», оказывается здесь почти единственной. Едва ли, конечно, шестичасовые наблюдения осведомителей могли отразиться одной строчкой. Вероятно, их наблюдения были предельно кратко обобщены составителем сводки, но остается неясным, сами ли информаторы так акцентировали антисемитские выпады, или только таковые счел единственным достойным внимания редактор сообщений наблюдателей.

В любом случае нельзя не отметить скрупулезность составителя сводки. В ряде случаев он оставляет в кавычках сообщенные ему (и, видимо, дословно) отдельные реплики, даже не пытаясь их пересказать или обобщить. И хотя в разных сводках ощущается интерес к одной лишь теме — поведению горожан — но содержание их все же различно. Если составитель нарочито выделил свидетельства об антисемитских настроениях, то это могло произойти и вследствие слухов о предполагаемом погроме. Примечательно, что в сводке содержится цифра — «старух 20». Не исключено, что это было вызвано необходимостью оценить размах антисемитских настроений и определить тех, кому они были присущи — в других сообщениях никаких цифр нет.

Уличные слухи регистрирует и политсводка ревтройки 1-го Городского района 28 марта 1921 г.: «На улицах и на вокзалах обнаружена упорная агитация и масса различных слухов о предполагающемся якобы еврейском погроме. На вокзалах замечено несколько человек, организованно подбивающих толпу криками и возгласами. Большинство населения уверено, что в г. Витебске погром в полном разгаре, въезд и выезд и[з] города прекращен, сообщение с Петроградом будто бы прервано, рабочие восстали». ⁵⁴⁶ Здесь же сообщается о том, что в Волковой деревне «было сорвано с забора воззвание, написанное печатными буквами», которое призывало население к «погрому и истреблению» евреев и говорилось о реакции местных жителей на воззвание: «Оно собрало большую толпу, кричавшую и злобно смеявшуюся». ⁵⁴⁷ При этом была сделана характерная оговорка, подтверждающая уже отмеченную нами малую активность антисемитов на предприятиях: «в самих стенах заводов и

---

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 26.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 26 об.

фабрик слухи и погромная агитация не ведется».⁵⁴⁸ Подчеркнем, что в предыдущих сводках той же ревтройки (за 22, 24, 25 марта 1921 г.)⁵⁴⁹ сведений об антисемитских настроениях нет, здесь лишь фиксируется «успокоение» рабочих, их интерес к распределению одежды и обуви (которое, правда, не обходилось без споров), рост их доверия к коммунистам, наконец, слухи о том, кто и где бастует. Сводка же за 28 марта 1921 г. почти целиком заполнена сообщениями об антисемитских выступлениях и о погроме — и только о них.

Этому можно дать несколько объяснений. Описанные в сводках 22, 24, 25 марта 1921 г. инциденты можно назвать малозначительными, рутинными. Видно, что информатору не о чем сообщить, кроме сведений о том, что «прачечная фабрика № 1 уже целую неделю не может поделить сапоги», о слухах и криках, «которые повсеместно вызываются распределением одежды и обуви».⁵⁵⁰ Все другое поводов для беспокойства не давало: «недовольства среди рабочих не наблюдалось», «работа на фабрике за истекший день происходила вполне спокойно», «настроение рабочих в политическом отношении без изменений спокойное».⁵⁵¹ На этом фоне всплеск антисемитских настроений (сколь бы ни был он локален) мог бы показаться составителю сводки столь опасным, что именно на нем он и сосредоточил все свое внимание, игнорируя все другие темы. На это можно возразить, что едва ли антисемитские разговоры и слухи о еврейских погромах возникли только 28 марта 1921 г. на рынках и «толкучках»⁵⁵² и едва ли только о них сообщили осведомители в этот день. Нельзя поэтому исключать, что составитель сводок или был специально ориентирован на сбор сведений о подготовке погрома в городе или что самый всплеск «погромных» разговоров превысил их обычный уровень. Подчеркнем, что ряд писем антисемитского содержания, уже приведенных нами, был отмечен цензором именно 28 марта 1921 г.

Подведем итоги. Знакомясь с немногочисленными, фрагментарными, не очень достоверными, требующими весьма осто-

---

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 31,33, 37.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 33, 37.

⁵⁵¹ Там же. Л. 31,33, 37.

⁵⁵² Так, в сводке по Петроградской губернии с 16 февраля по 1 марта 1921 г. приводились выдержки из письма (датированного 21 февраля 1921 г.) о том, что «ходят слухи, что Киев взят белыми, которые вовсю уничтожают евреев» (Горячечный и триумфальный город. С. 182).

рожных подходов источниками, которые к тому же нельзя зачастую проверить другими свидетельствами, мы можем уловить только контуры антисемитских настроений в Петрограде в феврале—марте 1921 г. Мы ничего определенного не сможем сказать ни об их размахе, ни о тех слоях общества, где они проявлялись быстрее всего. Не очень ясной является во многих случаях и мотивация таких настроений. Каждый документ будет правильно прочитан только тогда, когда учитывается контекст, в котором он возник — политический, психологический, экономический, социальный. Мы однако не знаем ни имен, ни профессий авторов писем, допускавших антисемитские реплики, не знакомы и с полным текстом их корреспонденции. Мы обязаны доверять осведомителям, не разглядевшим в толпе ни одного лица и делавшим свои выводы на основании крайне поверхностных наблюдений. Все это так. Обилие оговорок, отмечающее трудность изучения проблемы, не может все же быть помехой для составления некоей общей картины бытования антисемитских взглядов в городе во время политического кризиса. Отрицать их наличие нельзя — нужно лишь как можно точнее выявлять ядро информации об антисемитском движении в Петрограде, очищая ее от риторических, партийных и иных наслоений.

Диапазон форм проявления антисемитских настроений был довольно широким. Это и сочувственно передаваемые слухи о еврейских погромах, и вывешивание антисемитских листовок, и антисемитские разговоры в цехах, на улицах, на рынках и вокзалах. Антисемитизм не всегда проявлялся открыто, но при общении с людьми или очень близкими, или весьма далекими, встречаемыми только в городской толпе, редко маскировался. Своеобразную самоцензуру антисемитов отрицать нельзя, трудно только определить ее причины. Видимо, здесь проявлялось не только опасение быть обвиненным в разжигании национальной вражды с соответствующими последствиями. Возможно, ограничителем являлась и определенная субкультура профессионального круга — молчавший на заводе мог стать раскованным на улице и словоохотливым в частных письмах. На фабриках и заводах антисемитская агитация не велась — не исключено, что вследствие строгой системы контроля и из-за традиционного влияния социалистов на рабочих: призывавший к погрому мог быть оценен и как чуждый пролетариату шовинист или монархист.

В мотивации неприязни к евреям заметны несколько тем. Евреев обвиняли в узурпации власти, их считали виновниками разрухи и нищеты. Аргументы, более или менее подробные, для доказательства таких обвинений приводились крайне редко. Антисемитские реплики, как правило, являлись безапелляционными и безоговорочными. В ряде случаев эти реплики вообще никак не объяснялись ни их авторами, ни информаторами советско-партийных структур. Попытки обосновать нападки на евреев политическими обстоятельствами предпринимались не раз, но нельзя не отметить их доминанту. Это — тезис о «засилье», не подтвержденный реальной практикой пореволюционного Петрограда, но традиционный в рамках антисемитской пропаганды прошлых десятилетий. Во многих случаях антисемитские выпады являлись не только следствием формирования новой политической элиты после революции, сколько отражением низового повседневного антисемитизма, которому в силу разных причин была придана антибольшевистская направленность.